

ВОСПОМИНАНИЯ О Е.И. КАМЕНЦЕВОЙ

Меня с Еленой Ивановной Каменцевой связывали долгие приятельские отношения и научные интересы. Но прежде немного о себе, чтобы было понятнее дальнейшее изложение. Я получил базовое физико-математическое образование в провинциальном педагогическом институте (г. Пятигорск). По счастливой случайности, здесь математику преподавал очень крупный учёный доктор физико-математических наук, профессор Д.Д. Мордухай-Болтовской (В 1900 г. знаменитый Д. Гильберт поставил 23 проблемы в качестве сложнейших задач математики; почти все они решены к настоящему времени, одна из них «покорилась» Д.Д. Мордухаю-Болтовскому). В год окончания вуза я поступил в аспирантуру механико-математического факультета Московского университета, на кафедру истории математики (которой теперь нет). Ряд аспирантов ориентировали на архаические направления: историю математики Китая, Индии и пр. Мне импонировала история математики Древней Руси, но это почему-то не приветствовалось, и мне пришлось заниматься XIX в. (Моя кандидатская диссертация была посвящена творчеству профессора Московского университета А.Ю. Давидова).

Моё знакомство с Еленой Ивановной Каменцевой состоялось в 1960-х годах в связи с моим изучением математики Древней Руси (уже после защиты диссертации о А.Ю. Давидове и годичной специализации по болгаро-русским математическим связям при Софийском университете). На кафедре вспомогательных исторических дисциплин Московского историко-архивного института, которой тогда заведовала Е.И. Каменцева, я сделал доклад о славянских «буквенных цифрах». Елена Ивановна довольно строго оценила мои научные «новации», несколько смягчившись после моих дополнительных разъяснений, и затем даже предложила сотрудничество. Но я обиделся и больше с ней тогда не общался. Е.И. Каменцева произвела на меня впечатление энергичной и властной женщины.

Зато у меня наладились отношения с А.А. Зиминым. Я неоднократно приходил к нему домой, показывал свои научные опусы. Он любил рассуждать о сути источниковедения и историографии, что мне было исключительно полезно и интересно. А.А. Зимин, по моим наблюдениям, был вообще очень доброжелательным человеком. Особенно хорошо он относился к своим ученикам, всячески одобряя их научные занятия. Так, он расхваливал в беседах со мной дипломную работу В.П. Козлова, своего будущего зятя, выросшего в крупного учёного, члена-корреспондента РАН. Неожиданную и шокировавшую меня оценку он дал академику Б.А. Рыбакову: «Это очень талантливый, но безнравственный человек».

Чтобы лучше понять, чем обусловлены эти слова, надо учесть, что они были сказаны в период обсуждения в Академии наук СССР обстоятельной и объёмной работы А.А. Зимина, посвящённой «Слову о полку Игореве», и наступившей затем страшной травле, которой он был подвергнут в советской печати, и неза заслуженному остракизму со стороны некоторых коллег. А.А. Зимину, по-видимому, виделась безнравственность отношения к нему властей и научных авторитетов, когда происходило сокрытие от научной общественности его труда и намеренное искажение его доводов. Изучение «Слова» должно быть комплексным, включающим все достижения науки, тем более источниковедения. Вопрос же был решён в угоду кучки политических и научных бонз, которые не были заинтересованы в установлении истины о «Слове», узурпировав право считать, что здесь является априори правдой. Как и многие советские историки, Е.И. Каменцева не была знакома с содержанием работы А.А. Зимина, а знала о ней по искажённым трактовкам в научной печати и средствах массовой информации, а также высказываниям недобросовестных критиков, строивших аргументацию по принципу: «Я работы не читал, но думаю, что автор заблуждается...». В последнее время я слышал из уст Елены Ивановны самую высокую оценку научного творчества А.А. Зимина в целом. Не исключаю того, что если бы она была знакома с его трудом о «Слове», то приняла изложенные в нём положения.

Вторичное знакомство с Е.И. Каменцевой у меня состоялось в 1970-х гг. после защиты докторской диссертации на Историческом факультете МГУ на тему «Древнерусские математические знания и их значение для исторической науки». Предварительно я показал диссертацию Б.А. Рыбакову, который её поддержал положительным письменным отзывом. После защиты он мне рекомендовал дальше заниматься древнерусской математикой, указав в качестве места, где могут заинтересоваться моими работками, кафедру вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. У меня даже была мысль перейти на неё. Эту задумку, кстати, разделял А.А. Зимин, написавший соответствующее предствление. Однако этому не суждено было воплотиться в жизнь из-за моей беспартийности и отсутствия базового исторического образования.

Однажды Елена Ивановна позвонила мне и передала просьбу Б.А. Рыбакова о написании совместной рецензии на книгу Н.А. Шостыгина по исторической метрологии. До этого я уже был знаком с работой Шостыгина о том, как измеряли время на Руси, и мне было интересно познакомиться с его итоговим произведением. Рецензия вышла в самом авторитетном по тем временам научном историческом издании – журнале «Вопросы истории». Она является единственной нашей совместной публикацией. Я стал регулярно посещать научный семинар Е.И. Каменцевой по вспомогательным историческим дисциплинам, публиковаться в сборниках кафедры, бывать у неё дома. О нашем первом знакомстве мы никогда не говорили. Возможно, Елена Ивановна просто не помнила о нём и не совсем удачного докладчика не ассоциировала со мной, а, может быть, всё прекрасно помнила, но, будучи по натуре деликатным человеком, виду не показывала.

Как хозяйка дома, Е.И. Каменцева была очень хлебосольной и гостеприимной. Любила рассказывать о своих предках. В гостиной у неё висел портрет её деда, известного московского писателя И.И. Барышева (псевдоним – Мясницкий). Он был, если можно так сказать, предтечей В.А. Гиляровского, известного жизнеописателя Московского быта. У Мясницкого был меньший писательский масштаб: он рассказывал, главным образом, о мелком торговом люде, жизнь которого хорошо знал, будучи служащим книготорговца. Возможно, от своего деда и других предков Елена Ивановна усвоила уважение и способность к повседневному напряжённому и творческому труду. По материнской линии у неё в роду была немецкая кровь с её педантичностью, о чём она также любила поговорить. Когда я сказал, что моя аспирантка Т.Г. Куприянова немецкого происхождения (точнее – австрийского), то Елена Ивановна отнеслась к этому с интересом.

Ещё одной особенностью Елены Ивановны было доброжелательное отношение к молодым учёным, не обязательно своим ученикам. Два примера. Мы с нею долгие годы заседали, обычно сидя рядом, в Диссертационном совете при Московском государственном университете печати. Ей не всегда нравились защищавшиеся в этом совете довольно специфические диссертации на учёные степени доктора и кандидата исторических и, особенно, филологических наук, но она никогда не голосовала против.

Второй пример. У некоторых моих аспирантов, имевших темы по XVIII в., возникали трудности с чтением архивных скорописных источников. Я об этом рассказал Елене Ивановне и попросил разрешения для них посещать её лекции по палеографии. Она согласилась. Но затем я узнал, что помимо этих занятий она стала проводить обучение моих аспирантов у себя дома. Кстати, все эти аспиранты впоследствии успешно защитили кандидатские диссертации, а двое из троих – докторские (О.Р. Хромов, Т.Г. Куприянова).

В заключение хотел бы сказать, что в моей жизни Елена Ивановна Каменцева остаётся одним из наиболее ярких впечатлений.